

Время убивает

Автор:

Василий Головачев

Время убивает

Василий Васильевич Головачев

Абсолютное оружие Василия Головачёва

Роман грандмастера отечественной фантастики. Спецслужбы, правильные герои, тайные боевые техники, технические новинки и непобедимый героический дух.

Загадочная смерть физика Истомина спускает лавину событий, в которую оказываются вовлечены люди, пространства и времена. Расследование, начавшееся обыкновенно, резко меняется в связи с находкой сконструированного им прибора. Как выясняет майор Следкома Никифор Сомов, заказчики исследований – оборонщики, а эн-накопитель – мощнейшее оружие. Однако то, что прибор может менять направление течения времени, тиражировать параллельные вселенные и по сути отменять смерть, не предполагал даже его создатель. Теперь это реальность, и героям предстоит распутывать петли времени, обходить парадоксы вероятностей и искать истину в тумане относительности.

Василий Васильевич Головачёв

Время убивает

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Головачев В.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Дубна

Десятое ноября. Семь часов утра

На экране проявилась знакомая двузубая гора Эльбрус, подтверждающая, что компьютер был создан российской компанией, мяукнуло, и экран погас.

Истомин оставил компьютер включённым, что давно вошло в привычку, кинул взгляд на искрящуюся электрическими змейками антенну накопителя, свисающую с потолка, и направился на кухню.

Жил физик один, ел мало, дома он почти ничего не готовил, разве что мог позволить себе сварить кофе или пожарить яичницу, и нормально обедал только в институте: он работал в ОИЯИ – Объединённом институте ядерных исследований.

В это утро у него прихватило сердце, и от кофе он отказался. Заварил чай – зелёный, с добавкой каркаде, съел последний пряник, запил чаем и начал собираться.

Каждый день он выходил из дома ровно в восемь часов утра, а возвращался ровно к восьми часам вечера. Статистически это так и было: дни накапливались

последовательно, пока не сложились в приличный срок – двадцать два года. Однако фактически эти двадцать два года укладывались в один день, точнее, в одни сутки, потому что Глеб Лаврентьевич добился-таки своей цели – сконструировал эн-накопитель, который и превратил его жизнь в кошмар.

Чай породил испарину на лбу.

Истомин умылся, почувствовал облегчение и таблетку нитросорбида сосать не стал. Тем более что у него не оказалось запасов сердечных препаратов. Надо было зайти в аптеку и купить всё, что было прописано доктором ещё два года назад.

Натянув серый свитер, надел сверху такой же серый пиджак, проверил наличие в карманах бумажника, флешки с текстом статьи, которую он готовил для научного журнала New Scientist, запаса сердечных лекарств и несколько минут потратил на надевание зимних ботинок: сердце работало с перебоями, пришлось отдыхать, сидя на стульчике у двери в прихожей.

Из дома он вышел ровно в восемь часов, забыв закрыть дверь на обыкновенный, без всякой электроники, ключ. Квартира так и осталась незапертой.

Спустившись во двор, Истомин поёжился: было ещё темно, мороза не было, но дул холодный, полный влаги ветерок, пронизывающий чуть ли не до костей, и физик плотнее запахнул полупальто.

Обычно на работу он ездил на электробусе, который останавливался аккурат перед домом, с другой стороны улицы. Когда-то Глеб Лаврентьевич ходил до института пешком, однако нынешнее состояние не давало ему такой возможности.

Сердце пульсировало всё сильнее, поэтому шёл Истомин медленно, подумывая, не вернуться ли домой. Но в таком случае пришлось бы ломать весь график выходов на работу, а этого делать категорически не хотелось. Не было на это ни времени, ни здоровья.

Какой-то мужчина торопливо шёл ему навстречу, миновал спотыкающегося Истомина и оглянулся.

– Глеб Лаврентьевич?

Физик остановился, узнав соседа этажом ниже.

– Серёжа?

– Что-то плохо выглядите, Глеб Лаврентьевич.

– Сердце пошаливает.

– Я бы посоветовал вам остаться дома в таком состоянии.

– Нет, мне необходимо быть в институте.

– Давайте я вас подвезу. Заскочу домой на пару минут и заберу.

– Спасибо, Серёжа, как-нибудь доберусь.

– Ну, смотрите.

Истомин поковылял дальше.

Сосед неуверенно посмотрел на него, потом побежал к подъезду.

Добравшись до стеклянной стоечки с прозрачной крышей, Истомин тяжело опустился на скамеечку, дыша как загнанный заяц. Голова закружилась. Он начал рыться в карманах костюма в поисках трубочки с таблетками.

– Вам помочь? – раздался чей-то голос.

Истомин поднял голову.

В глазах всё плыло и качалось, но он всё же увидел, что к нему обращается девушка в светленькой курточке.

– Нет-нет, спасибо, – отказался он. – Сейчас пройдёт.

Девушка отошла к ожидающим электробус пассажирам.

Истомин нащупал-таки нитроглицерин, однако сунуть таблетку в рот не успел.

В ушах родился гул, глаза перестали видеть окончательно, и перед Глебом Лаврентьевичем распахнулась тёмная бездна, пронизанная музыкой сфер...

Когда сосед подъехал к остановке и выскочил из машины, Истомин был уже мёртв.

Москва

Девять часов утра

Утром, когда более или менее отдохнувший организм полон энергии и надежд, человек быстро включается в работу и не замечает, насколько он стар. Но к вечеру, когда из жил уходит адреналин и хочется прилечь на диванчик в укромном уголке, жизнь начинает казаться не лучшим вариантом.

Эту сентенцию, принадлежащую отцу Никифора, сын вспомнил, ещё когда вставал и заставлял себя делать зарядку.

Нет, он вовсе не был стариком в свои тридцать семь, потому что постоянно держал себя в приличной физической форме, будучи в прошлом неплохим легкоатлетом – прыгуном в длину. Дело было не в возрасте. Ночь он провёл у старшего брата Григория, уже много лет боровшегося с недугом: брата в тридцать сразил инсульт, спровоцированный ковидом, и с тех пор он почти не вставал с постели, несмотря на лечение. Никифор раз в неделю приезжал к родителям домой и нередко оставался там на ночь, чем всегда радовал Григория, возвращая инвалиду интерес к жизни.

Работал же майор Сомов следователем в Следственном комитете по особо важным делам (таких следователей называли важняками) и знал много историй,

которые брат выслушивал, здоровее на глазах. Поэтому отказываться от встреч Никифор не мог, хотя после каждой встречи ему приходилось на следующий день приводить свою нервную систему в порядок.

В отличие от брата, худого как скелет, хрупкого блондина, Никифор был высок, а взгляда его синих (не голубых, а именно синих) глаз не выдерживали даже близкие друзья, хотя он, при всех нюансах должности и характера работы, не был таким уж строгим или жёстким, обладая при этом твёрдым и требовательным характером.

С семьёй у него не сложилось. Женщины встречались, с некоторыми он даже поддерживал отношения какое-то время, однако в конце концов расставался, обнаружив, что им не по пути. Ему нравились не просто красивые девушки (как и большинству мужчин, чего греха таить), но преимущественно умные и, что немаловажно, женщины с опытом. Он ценил дам с возрастом под сорок, и этому было объяснение. Сорокалетние знали, что такое жизнь, что такое ухаживать за мужчинами, предугадывая их желания, и умели ждать желанной встречи, чтобы раскрыться и отдаться любви полностью.

Григорий, которому судьба отказала в переживании страстей (он тоже не был женат), не раз удивлялся:

– Неужели тебе не нравятся молодые девчонки?! Это же классно, обнимать такую!

– Не поверишь, – отвечал Никифор с улыбкой, – совсем юные меня не привлекают. Конечно, круто совместить свежесть тела с мудростью, но так не получается. Меня дико раздражают юницы, которые при встрече вдруг начинают хвастаться, что они спали «с самим Моргенштерном».

Вспомнил об этом разговоре с братом Никифор, когда ставил машину (электрический седан «Ауди Е-трон») на парковке за зданием СК на улице Строителей и заметил молодую женщину, выбиравшуюся из автомобиля «Мини Купер Е22» в десяти шагах от него. Незнакомка была одета в светло-синюю курточку-баон, открывающую синее платье, стройные ноги были обуты в сапожки цвета маренго. У женщины были длинные платиновые волосы и полные губы. Заметив взгляд следователя, она улыбнулась и поспешила к зданию, закинув на плечо синего цвета рюкзачок.

Никифор обратил внимание, что проходную, кстати, оборудованную металлоискателем, она прошла без задержек.

Гадая, где может работать такая симпатичная сотрудница (по едва уловимым признакам Никифор прикинул её возраст – лет тридцать пять), он поднялся за ней на второй этаж здания, но она пошла по коридору дальше, а он открыл дверь кабинета, где работал с соседом, капитаном Климчуком, уже четвёртый год.

Климчук, двадцатилетний опер, уже сидел за столом. Перед ним светился экран персонального компьютера.

– Слышал новость? – спросил он, привставая и протягивая руку для приветствия. – Китайцы начали строить лунную базу, к их станции на орбите Луны пристыковался грузовой корабль «Тяньгун-22».

– И чёрт с ними, – ответил Никифор, включая свой компьютер.

Климчук, худой, нескладный, но подвижный, обладающий обаятельной мимикой, рассмеялся:

– Не любишь китайцев? Или не интересуешься космосом?

– Ни то, ни другое.

– Ах да, ты же занимался делом космонавтов.

– Не космонавтов, а дельцами из центра подготовки космонавтов.

– Один хрен. А как к косоглазым относишься?

– Никак, хотя меня сильно напрягает их тихая агрессия в Сибири. Они там скоро организуют свой колхоз, скупая наши лесные угодья. Что касается космоса, отношение к нему поменялось после съёмок фильма. Я даже где-то читал в Сети, что наметилось снижение притока студентов в учебные заведения, выпускающие космонавтов инженерных специальностей.

– Да, это проблема, – согласился Климчук. – Я не большой фанат космонавтики, и то мне обидно, что у людей пропадает интерес к изучению космоса. А ведь потеря интереса к познанию мира, как метко говорил какой-то академик, ведёт к ураганной деградации общества, а потом и вообще к ликвидации цивилизации.

– Верно замечено. – Никифор бегло ознакомился с почтой и вывел на экран перечень неотложных задач, которые должен был решать.

– Кстати, чем закончилось твоё дело с центром подготовки космонавтов?

– Посадили троих.

– Эффективные менеджеры?

– Эффективно воровали, причём по-крупному, если учесть кражу технологий подготовки.

Климчук кивнул:

– Человеческий фактор – он и в Африке человеческий фактор, и среди космических менеджеров. Я имел в виду, что тебе часто достаются дела с научной тематикой.

– Наверное, потому что я кончал физмат МГУ.

Разговор иссяк, началась работа, и следователи перестали отвлекаться.

Однако через несколько минут в ухе Никифора пискнула клипса айфона, и голос начальника отдела Барина попросил его явиться пред светлые очи полковника.

Пришлось идти.

В кабинете Барина следователь бывал не раз, и ему нравился аскетичный вид помещения: ничего лишнего, никаких декоративных изысков, дополнительных шкафов или картин по стенам; нравились и его запахи, основным из которых был

запах хвои.

Полковнику Баринову пошёл пятьдесят четвёртый год, выглядел он «обыкновенным лесорубом», как его оценивал приятель Никифора Слава Вяткин, тоже следователь, но из другого подразделения – финансового контроля. Однако простоватое лицо полковника с носом картошкой и разъехавшимися, как олады, губами никого не должно было вводить в заблуждение. Кирьян Валерьевич Баринов был строг, категоричен и требователен, хотя никогда не повышал голос на подчинённого. Ему неведомо было чувство гнева, он был бескорыстен по сути своей и служил делу верой и правдой, всегда выбирая последнее из вечных противоречий человека «я хочу» и «я должен».

Никифор встал по стойке «смирно».

– Садись, – буркнул полковник, отворачиваясь от экрана компьютера. – С поставщиками разобрался?

Никифор сел.

– Ещё нет, заканчиваю.

Речь шла об уголовном деле с поставщиками некачественной продукции микросхем из Белоруссии.

– Отставь на пару дней. Сегодня утром, если точнее, час назад, был найден мёртвым в Дубне, на остановке автобуса на улице Ленинградской, доктор физико-математических наук Истомин Глеб Лаврентьевич. Знал такого?

Никифор помолчал.

– Слышал, но лично не знаком.

– Отвезён в морг на улице Черкасова. Первоначальный вывод медэксперта МВД – приступ сердечной недостаточности. Но есть нюансы. Съезди и разберись.

– Институт? Какой? – спросил Никифор, зная, что протестовать бесполезно. – Физических лабораторий много.

– ОИЯИ.

Никифор кивнул. Аббревиатура ОИЯИ расшифровывалась как «Объединённый институт ядерных исследований».

– Что за нюансы?

Баринов покосился на экран.

– Его работа засекречена, но ты физик, должен сообразить что к чему, вот и действуй.

– Извините, тема работы? Я не расслышал.

– А я ещё не сказал, – сухо усмехнулся начальник отдела. – Что-то такое вроде исследования воздействия на энтропию. Уточнишь на месте.

Никифор с любопытством проследил за мимикой Барина.

– Это что-то новенькое. При мне энтропией напрямую никто не занимался. И как долго доктор работал над темой?

– Выясни в институте. Советую сначала поговорить со свидетелями, которые ещё находятся в районном отделении полиции, и навестить морг. Дальше сам.

Никифор с любопытством проследил за мимикой Барина. Показалось, что начальник отдела чего-то недоговаривает.

– Разрешите идти?

– Вечером доложишь.

– Меня могут не пропустить в институт, если работа засекречена.

– Получишь соответствующий допуск.

Никифор кивнул и вышел, сопровождаемый взглядом полковника, сосредоточенного на каких-то мыслях.

Ехать на служебной машине в Дубну не хотелось принципиально. Парк головного офиса СК недавно пополнился дронами и воздушным таксопарком, и Никифор воспользовался этим обстоятельством, тем более что время торопило. Наскоро собравшись, он убедился в получении свидетельства особых полномочий (айфон выдал ему скриншот документа и QR-код), и уже через пятнадцать минут четырёхвинтовой аэрокоптер доставил его в подмосковный город, высадив во дворе дома номер десять на улице Ленинградской.

Этот вид воздушного транспорта ещё не стал суперпопулярным, поэтому высадка следователя собрала небольшую толпу зевак.

При посадке от аэромобиля шарахнулся какой-то сухонький старичок, и Никифор, выскочив из кабины, помог ему подняться.

– Извините, ради бога.

Старичок улыбнулся, кривя морщинистое лицо и рассматривая коптер.

– Как же далеко мы ушли от будущего!

– Почему ушли? – не понял следователь. – Наоборот, всё ближе подвигаемся к будущему.

Старичок покачал головой:

– Эх, мил человек, наше будущее кончилось с распадом Союза, в тысяча девятьсот девяносто первом году. И уже не вернётся. А то будущее, которое нам подсовывают, хуже библейского ада! Я-то уже отжил своё, а вам жить да жить с машинами.

– Это хорошая машина. – Никифор кивнул на аэромобиль.

– Я имел в виду машину в голове. – Старичок поспешил прочь.

– Вас ждать? – вежливо спросил пассажира молодой водитель Паша, обладавший модно выбритым виском.

– Да, отсюда полетим в морг, а потом в институт, – решил Никифор, озадаченный выплеском эмоций старого человека.

На стоянке электробусов напротив дома его ждали двое полицейских из местного управления, одетые в обычные гражданские костюмы.

Отошли в сторону.

– Лейтенант Бережко, – представился один из них, верзила баскетбольного роста.

Никифор и сам был немаленького, отчего к людям выше себя относился уважительно.

– Майор Сомов, – протянул руку Никифор.

– Младший сержант Остапенко, – сказал спутник верзилы, широкий увалень с чёлкой льняных волос.

– Доложите по существу дела, – попросил Никифор.

Полицейские переглянулись.

– В общем-то, докладывать особенно нечего, – смущённо признался «баскетболист». – Человеку стало плохо, он присел на лавочку, – Бережко кивнул на прозрачную скобочку остановки с крышей и деревянной скамеечкой, – и умер. Заметили не сразу, потому что подъехал автобус и толпа поспешила внутрь.

– Точное время?

– Примерно восемь ноль-пять. А у него к тому же и глаза остались открытыми, так и сидел, опираясь на стенку. Только когда его задели, он упал.

- Свидетели были?

- Дождались нас только двое, всё рассказали, и мы их отпустили.

- Кто свидетели?

- Да вот у нас записано. - Верзила протянул Никифору планшет. - Они, кстати, и вызвали полицию и «Скорую». Мы приехали чуть позже, когда «Скорая» собиралась везти умершего в морг. Нам велели дожидаться вас.

Никифор вспомнил о нюансах, о которых предупреждал Баринов.

- Никаких странностей не заметили?

- Что вам сказать, товарищ майор. Вроде бы обычное дело, сердце, наверно, инфаркт.

- И всё же напрягитесь, подумайте, это ещё непротивозаконно.

Полицейские снова обменялись взглядами, помялись.

- Свидетель, он, кстати, оказался соседом умершего, сказал, что Истомин очень резко постарел, - сказал лейтенант. - Вот координаты соседа: Ленинградская, дом десять, квартира сто девятнадцать. А Истомин живёт в сто двадцать первой.

- Больше он ничего не сказал? Кто он?

- Сергей Курков, автомеханик, работает на сервисе «Рольф». На вид лет пятьдесят, серьёзный мужик. Говорит, видел Истомина недавно, на прошлой неделе, и тогда тот был чуть ли не на двадцать лет моложе.

Никифор присвистнул:

- На двадцать?

- Так точно, он тоже был удивлён, грит, даже не сразу узнал. Вот мы и решили позвонить в вашу контору, у вас много хороших следаков.

- Записали?

Лейтенант подал планшет Никифору.

Он переписал материалы дознания к себе на айфон, вернул планшет полицейскому.

- Что у него было с собой?

- Стандартный набор: зажигалка, портмоне, ручка, очки. Ключ от квартиры. Смарт.

- Плюс флешка, - добавил напарник.

- Флешка?

Лейтенант достал из кармана пластиковый пакетик, в котором лежали личные вещи умершего.

- Здесь всё, в том числе ключи от квартиры и от подъезда, мы решили отдать вещи начальству.

- Почему не родственникам Истомина?

- По нашим данным, у него нет детей, жена умерла, как и родители, человек жил один.

Никифор взял пакетик.

- Вещи побудут у меня. Молодцы, правильно работаете, шепну вашему начальству при случае.

Сомов пожал руки полицейским и вернулся к вертолёту – красиво упакованной машине с четырьмя спрятанными в кольцах винтами.

Дубна

Десять часов утра

Мысль забежать на квартиру умершего учёного, перед тем как лететь в морг, тем более что Никифор в этот момент был во дворе его дома, пришла в ту секунду, когда он подходил к окружённому толпой мальчишек вертолёту.

– Летим? – полез в кабину пилот.

– Подождите ещё пару минут, загляну к нему домой. Хочу удостовериться, что в квартиру никто не залез.

Квартира Истомина располагалась во втором подъезде.

Как все многоэтажки нынешнего времени, дом находился под охраной домофонной системы, поэтому пришлось искать в пакете замковый чип.

Никифор поднялся на лифте на шестнадцатый этаж, осмотрел обитую коричневым материалом дверь, убедился, что она закрыта, отпер, вошёл, и ему показалось, что он с тихим треском – словно лопнул маленький воздушный шарик – продавил телом некую невидимую плёнку. Замер на мгновение, прислушиваясь. Звук не повторился. Подумалось, что это, наверно, сработала система охранной сигнализации, но позже стало понятно, что квартира не стояла на охране, несмотря на наличие в ней дорогостоящих вещей. Шагнув в прихожую, он ощутил волну свежести (пахнуло озоном) и холодный воздух. В квартире было холодно, не больше двенадцати-четырнадцати градусов.

Прихожая оказалась большой, по форме близкой к длинному изогнутому эллипсоиду. Вообще на своём веку Никифор перевидал немало прихожих, но эта поразила и формой, и присутствием книжных полок и приборных панелей, заменяющих антресоли и опоясывающих всю квартиру (как оказалось) поверху.

Следователь принялся: пахло старым деревом, пластиком, металлом, настоем трав, и все эти запахи пронизывали струи озона, создавая впечатление включённой электрической подстанции.

Пыли он не обнаружил, квартира учёного была чуть ли не вылизана, блистая немислимой чистотой, и при этом было видно, что Истомин жил один. Никифор и сам, в общем-то, находился в таком же положении, навдя дома только ему необходимый порядок и комфорт, поэтому с интересом присмотрелся к интерьеру квартиры известного физика, находя в нём знакомые комбинации мебели, а также личностные предпочтения владельца.

Таких насчиталось немало, что объяснялось привычками человека, прожившего в одиночестве десятки лет. Но главными отличиями, несомненно, были, во-первых, старые вещи типа комода возраста хрущёвского градостроительства и наличие аппаратуры, больше приличествующей физической лаборатории или ремонтной мастерской.

Никифор с некоторой опаской обошёл помещения, вдоль стен которых стояли осциллографы, радиогенераторы и аппаратные стойки неизвестного назначения. Осмотрел антресоли, больше напоминающие приборные панели с мигающими индикаторами, и ознакомился с необычного вида установкой, свисающей с потолка наподобие сложной стеклянно-металлической люстры. Люстра была подключена к панели на стене десятком кабелей и тихо шипела вентиляторами охлаждения, покрытая бегающими по ней крошечными электрическими молниями-спиральками.

– Это я удачно зашёл, – пробормотал Никифор, вспомнив советский киношедевр «Иван Васильевич меняет профессию». – Чем он тут занимался?! Это же целая подпольная лаборатория!

На панели метнулись световые стрелы, и тихое пение приборов и вентиляторов изменилось, стало басовитым. По антеннам установки проскочили электрические змейки большего размера.

Никифор невольно отступил, озадаченный реакцией неведомого аппарата. Посмотрел на метрового размаха экран компьютера, стоявший рядом со столом на отдельном пенале. Было видно, что новенький «Эльбрус» работает в спящем режиме. Но подходить и включать его следователь не решился. Подумал

сделать это позже, после всех знакомств и церемоний.

Оглядев спальню, внутри которой никаких сюрпризов не обнаружилось, он осторожно вернулся в гостиную и вышел, ещё раз озадаченно пережив ощущение пробитого телом слоя невидимого стекла. Покачал головой, осудив владельца за отсутствие сигнализации. Судя по количеству работающих устройств в квартире умершего, ценных вещей и материалов тут находилось предостаточно, и они вполне могли стать добычей вора.

Постояв несколько секунд, прислушиваясь к своим ощущениям, посмотрел на часы: он пробыл в квартире Истомина минут пятнадцать. Нахмурился, подумав, что пилот аэрокара, наверно, заждался. Спустился во двор.

– Так быстро? – удивился пилот. – Успели хоть глянуть?

– Что значит – быстро? – ответно удивился Никифор. – Наоборот, извини, что заставил ждать так долго.

Пилот озадаченно глянул на запястье.

– Вы отсутствовали ровно четыре минуты.

– Не может быть! – Никифор не менее озадаченно посмотрел на свой хронометр, включающий тонометр, счётчик кровяного давления, дыхания и температуры. – Я был в квартире Истомина не меньше четверти часа!

– Тихо! – рявкнул пилот на мальчишек. – Галдите как стадо обезьян! Извините, товарищ майор, но мои часы идут правильно. Да и мобильный не врёт.

Пилот показал экранчик айфона, на котором горели цифры: десять ноль-четыре.

Никифор вынул свой мобильный.

Экран выдал цифры: десять двадцать.

– Странно... Что за хрень? Часы испортились?

– Вместе с мобильником?

Никифор вспомнил о своих ощущениях, когда он входил и выходил из квартиры Истомина.

– Ладно, разберёмся, поехали.

Коптер мягко оторвался от асфальта, сопровождаемый хором весёлых криков малышей. Через десять минут Никифор входил в одноэтажное строение морга, пристыкованное к главному корпусу больницы.

Показав на входе экранчик айфона, высветивший удостоверение офицера Следственного комитета, он прошёл в глубь здания, ещё раз протянул удостоверение вышедшему навстречу мужчине в голубом халате и маске, вытиравшему руки салфеткой.

– Слушаю вас.

– Майор Сомов. Покажите мне поступившего к вам полтора часа назад человека по фамилии Истомин.

– Труп, – флегматично поправил его медик.

Никифор продолжал молча ждать, и служитель печального заведения, пропитанного запахами формальдегида и химических реактивов, повёл гостя в зал, где на десятке столов лежали накрытые простынями тела.

Служитель, оказавшийся медэкспертом по фамилии Толмачевский, откинул одну из простыней.

Никифор увидел бледное до синевы лицо старика, которому можно было дать не меньше девяноста лет. Губы Истомина были изогнуты, словно он пытался улыбнуться перед смертью, но морщинистое лицо было спокойно, разве что с оттенком растерянности, как показалось следователю.

– Вот так живём, живём, – проговорил Толмачевский, – и вдруг – бац! – и конец. Что жил, что не жил, кто-то пожалеет, кто-то и не вспомнит. Раньше за порядком

сидели не в пример лучше, а дети так вообще отбились от рук.

Никифор терпеть ненавидел бесконечные философские рассуждения о смысле жизни и неизбежности смерти, которые так обожали люди определённого склада, однако сдержался, не настроенный портить медику настроение.

– Вскрывали?

– Так точно, недавно закончили.

– Что с ним?

Медик повернулся, чтобы выйти.

– Сейчас принесу заключение.

– Своими словами и покороче, пожалуйста.

– Извольте, причина тривиальна: астенический синдром, банальная остановка сердца в результате изношенности сосудов.

– Изношенности? Ему же всего слегка за шестьдесят, вполне репродуктивный возраст. Мужики в шестьдесят детей заводят.

– Если честно, меня это тоже удивило. Сосуды и сердце в таком состоянии, будто им больше восьмидесяти.

Никифор вгляделся в лицо учёного, унёсшего в могилу тайну своей жизни, приведшей его к резкому старению и смерти. Вспомнились слова полицейского, которому свидетель, сосед Истомина, признался в своём недоумении по поводу того, что умерший выглядит слишком старым. Что же случилось? Не мог же физик в один день постареть на добрых два десятка лет? И чем он занимался на работе? Может, это результат радиоактивного заражения? На каких органах это сказывается в первую очередь?

– Печень, лёгкие, почки? Простата?

– Почти без фрустраций, чисто старческие изменения. Он не просто выглядит на восемьдесят с хвостиком, ему и в самом деле восемьдесят.

– Притом что по паспорту ему шестьдесят.

Медик развёл руками.

– Могу только предположить, что пациент пережил направленную трансформацию, за короткий срок прожив более двадцати лет. Так сказать, скрытое старение.

– Чем может быть вызвана направленная трансформация?

– Может быть, это свойство его генома, может быть, его заразили вирусом старения. Мы ещё многого не знаем о мозге, несмотря на последние достижения медицины, так что возможны удивительные варианты.

Никифор с любопытством посмотрел в глаза Толмачевского.

– Вирус старения? Не слышал о таком.

– Отдельно он не существует, но вы же знаете, ковид претерпел множество мутаций и направленно поражает органы человека в соответствии с заложенной в него программой.

– Вы считаете, что ковид создан искусственно?

– А вы разве нет? Это же очевидно, тем более что американцы сами сознались в том, что давно работали с вирусом, ещё до сброса его в Китае. Вот наш пациент и подхватил мутаген, ускоривший его старение. Но это лишь моё частное предположение. – Медик сделал многозначительную паузу. – Действительность может оказаться намного поразительней.

– Благодарю за помощь. – Никифор кинул задумчивый взгляд на лицо учёного и покинул последнее перед погребением прибежище мёртвых.

– В институт, – сказал он пилоту, не обращая внимания на прохожих, с интересом рассматривающих ещё не вошедшее в обиход транспортное средство, за которым было будущее.

Дубна

Объединённый исследовательский ядерный институт

Десять часов тридцать шесть минут

Ядерный центр физики элементарных частиц в наукограде Дубна на базе международной научно-исследовательской организации, учреждённой восемнадцатью государствами, был создан в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. К настоящему моменту площадь центра выросла до трёх квадратных километров, на его территории были возведены такие значимые объекты, как синхротрон (он же – «Нуклотрон-М»), новый ускорительный комплекс, бустерный накопитель, ионный коллайдер NICA и множество других лабораторий, позволяющих российским учёным (и не только) создавать новейшие искусственные материалы и открывать элементарные частицы. Именно здесь были открыты сто второй элемент nobelium, сто пятый – дубний, сто пятнадцатый – московий, и оганесий – элемент сто восемнадцать, близко подходивший к так называемому острову стабильности тяжёлых элементов, не имевших аналогов в природе.

Доктор физико-математических наук Истомин работал в «шестой группе» при лаборатории теоретической физики, как объяснили Никифору в бюро пропусков, когда он, полюбовавшись на четыре колонны, балкончик над дверью и две белые вазы с цветами у главного входа, вошёл в здание.

Центр ОИЯИ являлся мощным научным кластером и охранялся, наверно, не хуже, чем Центр обороны.

Чтобы войти в здание, надо было предъявить QR-код, а компьютеризированная система опознавания за пару секунд высвечивала на мониторе охраны фото гостя.

Никифор подсунул под фотоглаз экранчик айфона с QR-кодом, и турникет мягко открыл бабочку дверцы.

Начальником лаборатории оказался пятидесятилетний физик, тоже доктор наук, Лебедев, обладатель крепкого торса, роскошной чёрной шевелюры, крупного носа и квадратных очков, увеличивающих глаза чуть ли не вдвое. Никифора он встретил в фойе главного корпуса и проводил в кабинет, за которым в левом крыле здания на первом этаже располагались помещения лаборатории.

Кабинет завлаба гостю не понравился, так как представлял, по сути, филиал лаборатории, загромождённый стойками, шкафами и какими-то приборами. Заметив взгляд следователя, Лебедев виновато облизнул губы.

– Извините, товарищ майор, мы тут меняем архитектуру всего комплекса. Приходится тесниться. Присаживайтесь.

Никифор сел на стул у хайтековского стола с прозрачной пластиной столешницы и металлическими ножками.

– Вам сообщили о смерти Истомина?

– Да, час назад.

– Что можете сказать об этом человеке?

– Мне очень жаль...

– Давайте обойдёмся без сантиментов, будьте добры. Над чем он работал в последнее время?

– Это секретная информация...

Никифор показал удостоверение особых полномочий.

Лебедев нервно поправил очки.

– Вряд ли вы...

– Я физик по образованию.

– Ну, тогда... Вам что-нибудь говорит формула Уилера – Девитта?

Никифор невольно улыбнулся.

Формулу Уилера – Девитта в среде физиков называли уравнением «конца времени», потому что она, выведенная для объяснения парадокса времени, самого времени не содержала.

– Пять групп преобразований, насколько я помню: с волновой функцией пси, с масштабным фактором, определяющим радиус Вселенной, плюс планковские петли, плюс скалярное поле, сыгравшее главную роль во время Большого взрыва...

– Плюс скалярный потенциал, запускающий инфляционное расширение Вселенной, – с улыбкой закончил Лебедев. – Вы и в самом деле профессионал.

– Да какой там профессионал, – махнул рукой Никифор, – уже десять лет не занимаюсь физикой профессионально, служба Отечеству на другом поле. Но интересуюсь, конечно, всеми открытиями и достижениями, особенно в области космологии и теории всего. Будучи студентами, мы с приятелями долго спорили, будет ли она создана когда-либо.

– К сожалению, мы по-прежнему далеки от решения этой проблемы. Ближе всех к теории объединения всех физических сил подошла теория суперструн, М-теория, но и она не учитывает пока всех нюансов реальных взаимодействий.

Никифор снова вспомнил, что Баринов предупреждал его о «нюансах». Интересно, начальник отдела знал что-то о теме работ Истомина или нет?

– Кстати, с какой стороны Истомин подходил к исследованию Уилера? Со стороны космологии или квантовой гравитации?

– Он начал разбираться, почему в этой формуле отсутствует фактор t , то есть время, хотя она как раз и определяет существование времени как фундаментального свойства Вселенной.

– И что же? К чему он пришёл?

– Он продолжил теоретические выкладки Ли Смолина и Джулиана Барбура и просчитал новый подход к проблеме в необычной области – активное управление энтропией. Во всяком случае, так эта тема отражена в плане работ нашей лаборатории.

– Управление энтропией? – удивился Никифор. – Что за чушь? Каким образом энтропией можно управлять? Ведь второе начало термодинамики незыблемо: энтропия с течением времени только увеличивается, и даже жизнь, в какой-то степени уменьшающая энтропию локально, полностью с ней справиться не в состоянии.

– Глеб Лаврентьевич нашёл способ повернуть стрелу энтропии как раз на уровне локальности, в небольшом объёме, и продолжил работу, надеясь получить масштабную инверсию.

– Не понимаю.

Лебедев развёл руками.

– Даже мы не совсем понимаем его посыл. Термодинамика вместе со вторым началом не является фундаментальной физической теорией, а лишь выражает статистику поведения больших ансамблей частиц от самых малых – травинки и песчинок, до масштабных – галактик и их скоплений. А статистическое поведение совершенно безразлично к направлению как энтропии, так и времени. Если повернуть их стрелы обратно, плюс на минус, ничего не изменится, уравнения останутся идентичными.

– Это мне понятно. А замысел Истомина не понятен.

– Всё упирается в парадоксы причинности и необратимости. «После» – вовсе не значит «вследствие». Чисто логической причиной события может быть не только

прошлое положение вещей, но и некая цель в будущем, понимаете?

– Нет, – честно признался озадаченный Никифор, наморщив лоб. – Вы хотите сказать, что Истомин нашёл что-то в будущем? То есть, по его мнению, не только прошлое оставляет следы в настоящем, но и будущее?

– Не так лобово, но в принципе верно.

– Метафилософия.

– Если хотите – да, метафилософия, но Глеб Лаврентьевич нашёл зацепку и трудился над воплощением своих идей на практике.

Никифор вспомнил работающий в гостиной учёного необычный аппарат в форме люстры.

– Он вам показывал результаты?

– Какие результаты? Это всего лишь теория, хотя и очень привлекательная, если учесть будущий практический выход.

Никифор озадаченно почесал в голове. Судя по интерьеру в квартире Истомина, физик занимался не только теорией, но и практикой. Интересно, почему он не делился своими достижениями с начальством института?

– Разрешите посмотреть его расчёты?

– Извините, нет, – виновато скривил губы завлаб. – Только с разрешения дирекции. Работа Глеба Лаврентьевича находится под протекторатом Министерства обороны. Даже мы не имеем права влезать в их сотрудничество.

– Вот как? С чего это теоретической работой Истомина заинтересовались оборонщики?

– Вопрос не по адресу. Глеб Лаврентьевич долгое время занимался своей темой без гособеспечения, дома, так сказать, потому что не было финансирования. Мы не могли включить тему в план исследований института, вынужденные к тому

же бороться с конкурентами, пока военные не дали средства.

– Куда ж без конкурентов, – усмехнулся Никифор. – Я ещё не встречал учёного, который любил бы своих оппонентов. Каждый хочет пропихнуть свою тему.

– Меня эта борьба всегда огорчала, – с сожалением сказал Лебедев. – Как говорил Джон Рёскин: всякая истинная наука начинается с любви, а не с разбора своих собратьев, и кончается любовью, а не анализом существования Бога.

– Человек в массе своей сволочь – как говаривает мой непосредственный начальник, – хмыкнул Никифор. – И мой опыт работы доказывает это на тысячах примеров.

– Наука вне политики...

– Должна быть вне политики, а на деле она никогда не относилась к нравственному разделу деятельности человека.

– Не знаю, может быть, вам видней. Мы с трудом уговорили Глеба Лаврентьевича не уезжать за рубеж, как это делают молодые учёные. Он остался...

– И умер.

По лицу Лебедева прошла тень. Он снял, протёр очки (вовсе не вижн-систему, а обыкновенные, с увеличивающими линзами), водрузил на нос.

– Печально... Да что я говорю – для нас это трагедия! Не знаю теперь, кто будет продолжать работу по теме. Глеб Лаврентьевич, по его словам, был близок к созданию антиэнтропийного генератора.

– Здесь, в лаборатории?

– Нет, у него была своя мастерская, где он проверял расчёты.

– Так вы знаете о ней?

– Конечно.

– Когда вы были у него последний раз?

– Лично я не был, – виновато поёжился завлаб. – Зачем тревожить человека? Мы ему доверяли. Он жил одиноко, ни с кем не общался.

Никифор подумал о засекреченности исследований умершего. Если вели его военные, то, наверно, надеялись получить практический результат. Однако если предположить худшее, не мог ли Истомин стать жертвой конкурентов, завидующих тому, что ему открыли финансирование? Но тогда что это за проблема, которую он решал?

– Вы сообщили о смерти Истомина в Минобороны?

– Я нет, но директор, наверно, доложил.

– Вас никто не допрашивал?

– Я же не преступник, чтобы меня допрашивать. Нет, вы первый разговариваете со мной о смерти Глеба Лаврентьевича. Из полиции только позвонили, и всё.

Никифор встал.

– Разрешите откланяться. Если вспомните какие-нибудь необычные подробности о поведении Истомина, позвоните.

Он подал завлабу визитку.

Лебедев взял визитку, вскинул глаза.

– Может быть, это мои измышления, но мне вчера показалось, что Глеб Лаврентьевич сильно сдал.

– Сдал?

- Постарел, что ли. Такое впечатление, что он заболел.

- Вы его видели?

- Мельком, да и то поздно вечером, перед отъездом домой.

- Понял, спасибо. - Никифор кивнул и вышел из лаборатории на свежий воздух.

Пилот возился в багажнике аэрокоптера. Увидев пассажира, сел за руль.

- Всё нормально? Куда дальше?

- Всё очень странно, - рассеянно ответил Никифор, перебирая в памяти детали разговора с завлабом. Больше всего настораживало в этом деле участие военных, а их молчание после трагедии выглядело, по крайней мере, неэтичным. Если они были заинтересованы в работе Истомина, почему не занялись расследованием со своей стороны? Или просто ещё не знают о смерти физика?

И тут же пришла логичная мысль: не довершить ли изучение квартиры Истомина, пока там не появились военные эксперты?

- В контору? - спросил пилот, поднимая машину в воздух.

- Обрато по адресу умершего.

- Есть, - озадаченно проговорил молодой водитель.

Дубна

Улица Ленинградская

Одиннадцать часов утра

Доложив Баринову о своих похождениях и встречах, Никифор поднялся на шестнадцатый этаж дома, а потом, поразмышляв немного, спустился на этаж ниже и позвонил в дверь квартиры сто девятнадцать.

Спустя несколько секунд за дверью раздался женский голос:

– Кто там?

Никифор раскрыл мобильный, показал глазку удостоверение.

– Майор Сомов, Следственный комитет. Мне нужен Курков Сергей Васильевич.

– Он на работе.

– Понял, извините. Он ведь работает на «Рольфе»?

– Да, мастер по ремонту.

– Спасибо, я найду его там. Один вопрос можно?

Дверь приоткрылась, натянув цепочку. На следователя глянула средних лет женщина с седыми волосами.

– Слушаю.

– Ваш муж оказался свидетелем смерти соседа сверху Истомина.

– Не муж, сын, да, он звонил. Ужасно, так всё быстро случилось. Хотя он, по моему, болел.

– Болел?

– Мы встречались недавно во дворе, и он выглядел очень постаревшим и больным.

– Не спрашивали, в чём дело?

– Нет, только поздоровались.

– Что ж, и за это тоже спасибо. Всего хорошего.

Никифор поднялся на этаж выше.

Снова в голове искрой проскочила настораживающая мысль, порождённая отсутствием охранных систем у квартиры учёного, занимавшегося научными исследованиями, в которых была заинтересована военная структура правительства. Что-то здесь было неправильное, притом что Истомин занимался теорией, способной сотворить некий Армагеддон. Но мысли буксовали, не имея достаточного запаса информации, и Никифор отложил свои розыски данных на потом.

Замок щёлкнул, он шагнул в прихожую и на мгновение остановился, услышав знакомый «стеклянный» треск: снова сработало какое-то устройство из всего аппаратного хозяйства квартиры, порождающее лёгкое сотрясение нервной системы у входящего. По металлическим панелькам, закрывающим антресоли во всех комнатах квартиры, метнулись разноцветные огоньки. Отметив это и переждав реакцию организма (что это за явление, чёрт побери?! Может быть, это и есть охранный система, регистрирующая гостей? Но тогда почему дверь открывается свободно, а тревога не поднимается? Истомин забыл активировать систему?), Никифор прошествовал в гостиную.

«Люстра» тихо шипела невидимым охлаждающим вентилятором, изредка подмигивая «свечками» индикаторов.

Генератор антиэнтропии? Почему бы и нет? Физик давно соорудил агрегат и теперь оттачивает параметры, не признаваясь в этом институтскому начальству. Тогда становится понятным и его поведение, и отсутствие друзей, и падение здоровья, вызванное излучением генератора. Даже если это не радиация, а какое-то высокочастотное поле, оно не может не влиять на мозг и психику человека, что в конце концов и послужило причиной остановки сердца. Но, с другой стороны, почему не пожаловались на учёного соседи, живущие рядом? До них излучение генератора не дошло? Или его таки нет вовсе?

Обойдя комнаты, обдуваемые струйками электрической свежести, Никифор вспомнил о флешке, которую полицейские нашли в карманах Истомина. Достал пакет, вынул плоский блестящий стержень, поискал глазами гнездо на подставке под монитором, не нашёл. Хмыкнул, ища клавиатуру, которой тоже не было ни на столе, ни в пенале. Сказал первое, что пришло в голову:

– Открой!

К его удивлению, компьютер послушался.

Щёлкнуло, загудело в три ноты, гул сменился тихим шелестом, над столом выросла светящаяся виртуальная клавиатура, экран монитора покрылся «пеплом» и высветил контур пятиконечной звезды, эмблему операционной системы. Это была отечественная разработка для пользования российскими спецслужбами. Она появилась несколько лет назад, после того как Евросоюз с подачи Англии решил заблокировать российские информационные сети.

Никифор невольно покачал головой: одно только это обстоятельство – наличие спецдоступа к военному Рунету – служило доказательством вовлечённости Истомина в военные разработки. И при этом он странным образом не обезопасил свою вычислительную технику не только от взлома, но и от простого подключения. Неужели не боялся, что к нему могут пробраться обыкновенные воры, не говоря уже об удалённом хакерском проникновении? Понадеялся на недоступность военного даркнета, не связанного с интернетом? Или опять-таки полагался на своих кураторов из Минобороны? Либо тривиально забыл о подключении систем защиты?

Никифор ещё раз поискал глазами гарнитуру компьютера, обнаружил ряд окошечек на столе и вставил язычок флешки в гнездо разъёма.

Контур звезды в экране сменился иконкой, в глубине которой проступил текст на русском языке: «Теория обратимости энтропии как следствие уравнений Уилера – Девицка. Автор: доктор физико-математических наук Истомин Г. Л.».

Надпись сменилась фразой: «При попытке перезаписи контента информационная база будет стёрта».

Никифор качнул головой: ну хотя бы так, погрозил пальчиком, какое-никакое, но защитное условие. Хотя и наивное по большому счёту.

Фраза исчезла, и на экране возникла формула, давшая толчок исследованию Истомина.

Никифор улыбнулся, подумав, что только шизик мог вывести такую сложную математическую структуру, объясняющую интегральное поведение больших физических систем и доступную пониманию редким из специалистов из всего восьмимиллиардного населения Земли, таких же шизиков, как и автор.

Формула растаяла, но тут же возникла вновь, просияв зарницей.

Показалось, что она выглядит немного по-другому, чем помнилось бывшему студенту физико-математического факультета МГУ. Присмотревшись, Никифор понял, что во втором уравнении появилась ещё одна группа символов, обозначавших дискретность времени, но, чтобы понять их смысл, надо было ознакомиться с выкладками Истомина по полной программе. Что потребовало бы времени. Никифор невольно улыбнулся, обнаруживая тавтологическое сходство своих размышлений с постулатами теории умершего учёного.

Растаяла и эта фраза, компьютер вывел на экран текст документа.

Никифор вчитался в начало текста и заинтересовался, решив ознакомиться с теорией Истомина хотя бы в общих чертах.

Текст начинался с основных положений физических законов мироздания. Таким образом Истомин настраивал себя на доказательство своих открытий.

«Время состоит из прошлого и будущего, – прочитал следовательно, – разделённых настоящим. Но прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее всего лишь одна точка без длительности, в которой нет ничего материального. Вспомним апории Зенона о стреле: как она летит, если в каждый неуловимый момент времени она находится в покое в определённой точке пространства, то есть стоит? Ньютон решил парадокс математически, придумав исчисление бесконечно малых величин. Но философский вопрос о потоке времени так и остался нерешённым. Так реально ли прошлое, если от него остаются лишь субъективные воспоминания? Но ещё хуже дела обстоят с будущим. Если оно

детерминировано законами физики, то наша так называемая свобода волеизъявления оказывается беспочвенной иллюзией?»

Звонок мобильного телефона, лежащего в пакете вещей Истомина, заставил читателя вздрогнуть и оторваться от чтения.

Никифор добежал до древнего комода в гостиной, пережившего контрреволюцию тысяча девятьсот девяносто первого года. Никифор даже удивился, увидев на тумбочке рядом с комодом пластиковый корпус «Гигасети А-315», выпуск которых закончился ещё лет тридцать назад.

Следователь поднёс жёлтенький смарт к уху.

– Алё, слушаю.

Возникла пауза.

– Глеб Лаврентьевич? – Голос был мужской.

– Нет.

Ещё одна пауза.

– Кто это?

– Сосед, – зачем-то соврал Никифор, озадаченный собственным решением.

– А где Глеб Лаврентьевич?

Никифор хотел ответить: умер, – но вместо этого задал встречный вопрос:

– Кто говорит?

– Николай... Маркович...

– Очень приятно, Николай Маркович, меня зовут Никифор Антонович. Слушаю вас.

– Мне нужен Глеб...

– Вы случайно не из Министерства обороны?

– Н-нет, я старый приятель Глеба, вместе учились.

– Понятно, но боюсь, я вас огорчу: Глеб Лаврентьевич скончался нынче утром.

На этот раз пауза длилась дольше.

– От чего он... скончался?

– Сердечная недостаточность.

В трубке зашуршало, затрещало, послышался чей-то сдавленный голос:

– Я его предупреждал...

Потом заговорил прежний абонент:

– Вы врач?

– Нет, я следователь.

– Простите, не смею больше беспокоить.

– Минуту, Николай Маркович, мне хотелось бы встретиться с вами и поговорить о вашем приятеле. Вы москвич?

– Нет, я живу в Питере, но сегодня приехал по делам в Москву. Думал увидеться.

– Знаете, где он живёт?

– Конечно.

– Можете подъехать?

– Наверно, да, смогу, через час.

– Очень хорошо, буду ждать.

Разговор прервался.

Никифор посмотрел на часы, хронометр высветил цифру: 11.43.

Поколебавшись, читать ли записи Истомина дальше, он решил метнуться в офис, поговорить с Бариновым с глазу на глаз и через час вернуться, чтобы встретить приятеля Истомина. Вынул флешку, но выключать компьютер не стал, подумав, что хозяин оставил его включённым не зря. Кинув взгляд на «люстру», он вышел, ещё раз пережив стеклянный треск невидимой плёнки, отделяющей дверь от прихожей.

Вспомнив недавний инцидент с разбросом показаний часов, своих и водителя, Никифор ещё раз глянул на свои, отметил мелькнувшие цифры 11.45, спустился во двор.

Летающий автомобиль по-прежнему был окружён детьми, а пилот что-то объяснял мальчишке лет двенадцати, показывая приборную панель. Увидев подходящего следователя, он вытаращил глаза:

– Вы прямо летаете, товарищ майор!

Свело скулы.

– Что ты имеешь в виду?

– Вас не было всего пару минут.

Никифор высвободил запястье из-под рукава куртки.

- Одиннадцать сорок шесть.

Пилот показал свои часы.

- Одиннадцать десять.

Никифор беззвучно выругался.

Пилот с недоверием посмотрел на него.

- Одиннадцать сорок шесть? Вы... шутите?

- Какие уж тут шутки! Дееется что-то необъяснимое. Ладно, полетели в контору.

Аэрокоптер взлетел в стылое ноябрьское небо.

Москва

Следственный комитет

Одиннадцать часов двадцать восемь минут

Баринов был занят, поэтому пришлось терпеливо ждать вызова в кабинете.

Витя Климчук всё ещё торчал в компьютере, изредка перебирая бумаги на столе. Лицо у капитана было несчастное, будто его мучила зубная боль. Тем не менее он с удовольствием оторвался от занятий, отреагировав на предложение Никифора глотнуть кофе:

- Не имею возражений.

Никифор запустил миниатюрную, размером с чашку кофе-машину Saeco Deluxe, способную варить только эспрессо, сделал две чашечки.

- Что такой напряжённый? Живот болит? Или зубы?

- Ни то, ни другое, - поморщился Виктор, покосившись на экран. - Шеф передал мне дело Малянова, но не снял прежнее.

- На Звягильского?

- На него, родимого. - Речь шла о губернаторе Брянской области, втихую достроившем животноводческий комплекс, принадлежащий его жене, за государственные деньги. - Компромата мешок, а мутоты ещё больше.

- Ничего, раскрутишь, ты парень способный.

- Спасибо за комплимент, - фыркнул Климчук. - Ну а у тебя как с этим сердечником Истоминым? Рутина?

- Наоборот, одни непонятки, если честно, я даже не ожидал. Физик занимался такими перспективными исследованиями, что ими заинтересовались оборонщики. Да и в связи со смертью возникли вопросы, на которые надо найти ответы.

- Ничего, ты физик в прошлом, раскрутишь, - вернул майору шутку Виктор. - Чем он занимался?

- Об энтропии что-нибудь слышал?

Виктор поскрёб пальцем макушку.

- Ну-у... это такая материя... связанная с хаосом, так?

- В точку, - улыбнулся Никифор. - Истомин решил создать устройство, ослабляющее энтропию, и сварганил у себя дома прототип. Я его видел.

- Неужели работает?

- Не поверишь, работает, отчего и возникли проблемы. Сколько на твоих глубоководных?

Капитан озабоченно посмотрел на свои командирские часы российского изготовления, способные работать под водой.

- Одиннадцать тридцать.

- А на моих двенадцать ноль-пять.

- Ну и что?

- Мои часы начали спешить после того, как я побывал в квартире Истомина.

- Ну и что? - повторил вопрос Климчук.

- Это, - Никифор показал браслет с часами, - суперточная швейцарская механика «Едокс», она не отстаёт и не опережает показания, вообще не выходит из строя.

- Да ладно, любая механика ломается.

- Эта нет.

Климчук ещё раз глянул на свои часы, пожал плечами.

- Ладно, пусть будет по-твоему.

В ухе звякнул сигнал вызова.

- Зайди, - раздался голос Баринова.

Никифор допил кофе, помахал рукой капитану и поспешил к начальнику отдела.

- Что в Дубне? - поинтересовался хозяин кабинета, прекращая листать бумаги в папке чёрного цвета. Несмотря на почти стопроцентную цифровизацию

делопроизводства, чиновники всех рангов продолжали пользоваться бумажными носителями информации.

- Если мои предположения верны, то материал - просто бомба!

Баринов нахмурился:

- Давай сначала. В институте был?

- Был. - Никифор без особых подробностей поведал начальнику о своих встречах с полицейскими, руководителями ОИЯИ и свидетелями, а также высказал своё отношение к странному поведению часов. - Мне нужен эксперт, специалист по современным теориям физических взаимодействий.

К его удивлению, Баринов отмахиваться от просьбы не стал, проворчав:

- Ты же сам физик?

Услышав смущённое признание подчинённого о «потере научных кондиций», он нажал клавишу на столе:

- Анна Филипповна, зайдите, пожалуйста.

- Кто это? - спросил Никифор.

- Эксперт, - коротко ответил полковник.

Через минуту в кабинет вошла женщина, в которой Никифор с удивлением узнал незнакомку с парковки, на которую он обратил внимание, когда она выходила из «Мини Купера».

Она снова улыбнулась, от чего её и без того милое личико стало ангельским.

- Знакомьтесь, - сказал Баринов. - Майор Сомов Никифор Антонович. Анна Ветлова. Старший научный сотрудник нашего техцентра, оканчивала физтех.

Женщина подала руку.

Никифор вскочил, пожал. Во рту пересохло, будто он пробежал пару километров. Вспомнилось арабское изречение: сердце видит раньше глаз.

«Не дури, майор!» – одёрнул он себя мысленно.

– Мы виделись утром... очень приятно.

– Анна Филипповна, вы, насколько мне известно, ещё не приступили к делам. Поможете товарищу разобраться в обстоятельствах инцидента с физиком Истоминым?

– Конечно, с удовольствием.

– Ну удовольствия не обещаю, но дело вырисовывается интересное, насколько мне удалось оценить. Никифор Антонович, введи Анну Филипповну в курс дела.

– Слушаюсь. – Никифор протянул руку к двери. – Идёмте в мой кабинет.

Женщина первой вышла, Никифор, не сводивший взгляда с красивых ног эксперта, оглянулся на оклик Барина:

– Минуту.

– Слушаю, товарищ полковник.

– Прикрой дверь.

Никифор закрыл.

– Не раскатывай губу, майор, – мрачно проговорил Барин, понижая голос. – Это наш самый ценный кадр, к тому же с тремя детьми на руках.

– Бывает, – хмыкнул Никифор.

– И без мужа, – закончил Баринов. – Иди.

В кабинете уже никого не было, Климчук умчался на задание, и Никифор усадил гостью на стул напротив своего стола. Включил компьютер, сунул в него флешку с материалами Истомина.

Всё это время Анна изучала его действия, не говоря ни слова. Видимо, она была сдержанным человеком.

– Коротко о сути дела. – Он сообщил ей о смерти физика из ОИЯИ, повернул к ней экран компьютера. – А это то, над чем он работал.

Экран высветил формулу Уилера – Девитта.

Брови Анны взлетели на лоб.

– Это же...

– Уилер – Девитт с их архитектурой времени без времени. Но с дополнением.

– Давно не встречалась с интерпретацией Уилера. А это что за параметр? – Она указала на последние символы формулы. – Не помню, чтобы формула заканчивалась так странно.

– На мой взгляд, добавлен гамильтониан скорости распространения энтропии. Волновая функция бесконечно малых длительностей. То, из-за чего у нас возникает чувство течения времени.

– Это чувство у человека появляется из-за того, что наше сознание обрабатывает каждый из квантов времени по очереди, последовательно.

– Согласен, но Истомин облёк этот процесс в математическое уравнение. Я уже далёк от высшей математики квантовых состояний, но Истомин действительно показал, что энтропия обратима.

– Spukhalt! – произнесла Анна с улыбкой.

Никифор неплохо знал немецкий, поэтому смог перевести слово как «жуть».

– Наверно, не так категорично, хотя впечатляет. Я тоже не могу представить, что можно запустить обратно процесс разделения созданного микста на составляющие. Или ещё нагляднее – процесс сбора разбитого стакана после его падения на пол.

– Вы не поняли. Судя по введённым дополнениям, на энтропию можно влиять, не вкладывая в процесс гигантскую энергию. А это чревато скачкообразным увеличением роста хаоса, образно говоря. При определённых условиях может начаться своеобразная инфляция энтропии.

Никифор вспомнил «люстру» в квартире Истомина.

– Между тем он создал модель установки.

Всплеск ресниц женщины показал её удивление.

– Как это ему удалось? Почему в интернете об этом ни слова? Обычно учёные сразу поднимают хайп, сделав открытие.

– Истомин был очень закрытым человеком. Он даже непосредственному начальству не признался, что сделал прототип генератора антиэнтропии. Читайте дальше, это его база данных, уложенная в формат научной статьи. По-видимому, он собирался её опубликовать, но не успел.

– Что с ним?

– Шеф... э-э, Кирьян Валерьевич вам не говорил?

– Он вызвал меня при вас, я не в курсе.

– Истомин умер сегодня утром на автобусной остановке напротив своего дома. Знаете что, если вы не заняты, давайте поедем к нему, я вам всё покажу, а по пути расскажу подробности.

– Хорошо, я только закончу беседу с вашими коллегами, чем я занималась до этого, и через десять минут спущусь на парковку.

– Буду ждать у служебного аэрокара.

Анна кинула взгляд на экран компьютера и вышла, унося волну нежного аромата духов, какого Никифор ещё не встречал.

Он поймал себя на запретной мысли (мелькнуло видение, как их губы соприкасаются), сердито погрозил себе пальцем: не балуй, майор, у неё трое детей!

«Ну и что? – откликнулся внутренний собеседник, который всегда мыслил логически. – Я не собираюсь увиваться за ней только из-за того, что у неё бесподобной геометрии губы. Просто ценю красоту».

«Ну да, – согласился он сам с собой, – есть такое, если учесть, что не обращают внимание на красивых женщин только дураки и импотенты. Интересно, зачем шеф сообщил, что она без мужа и что у неё трое детей? От чего предостерегал?»

Через пять минут он был у аэромобиля, в кабине которого его ждал тот же водитель по имени Павел.

Ещё через семь минут (почти без опоздания) к нему присоединилась бывшая выпускница физтеха, работавшая консультантом в научном кластере Следственного комитета.

Время перевалило за полдень по часам Анны (цифры на экранчике часов Никифора по-прежнему не совпадали с «официальными»), когда пара перешагнула порог квартиры Истомина.

Летели недолго, тем не менее следователь успел ознакомить спутницу с положением дел, ответил на её вопросы, заметив для себя, что консультант СК реагирует на пояснения очень быстро и адекватно, что указывало на её аналитический склад ума.

На всякий случай Никифор запомнил точное время входа на часах Анны (двенадцать десять), помня о феномене задержки, и спросил у спутницы, каковы её ощущения.

Анна сморщила носик:

- Что-то хрустнуло...

- У хозяина работает вся аппаратура, и мы, очевидно, когда входим, включаем какой-то контур. Какой именно - надо разбираться.

- Я не заметила, что вы отключали сигнализацию.

- Удивительно, но Истомин не соблаговолил установить охранную систему. Дверь открывается обыкновенным ключом.

- Он ушёл на работу, оставив аппаратуру включённой?

- Совершенно верно, я тоже заинтересовался такой необычной расхлябанностью. То ли всю эту технику отключать нельзя, то ли у владельца характер пофигиста. Во всяком случае, о своих успехах он руководству института не докладывал, и оно не знает, что Истомин добился результата.

- Осмотреть квартиру можно?

- За тем и пришли, я вас провожу.

Стараясь не задевать предметы интерьера и аппараты у стен, обошли все комнаты, остановились в гостиной, рассматривая «люстру».

- Вы думаете, это и есть антиэнтропийный генератор? - спросила Анна.

- Скорее антенна, а сам генератор укреплен на стене, видите? Соединён с «люстрой» кабелем.

- Озоном пахнет.

- Да, электрические поля здесь весьма серьёзные.
- Сюда нужна бригада спецов с соответствующим оборудованием. Я, конечно, покопаюсь в железе, но одна не справлюсь.
- Боюсь, нам не дадут возможности изучать сей механизм.
- Почему?
- Истомин работал не только в институте, но и под эгидой оборонщиков.
- Почему же они сюда никого не прислали?
- Во-первых, наверно, ещё не знают о смерти физика, а во-вторых, Истомин, видимо, не доложил им об окончании темы и переходе от теории к практике.
- Странноватый был товарищ. Чего-то боялся?
- Мы слишком мало знаем, чтобы делать выводы.

Анна подошла к столу в кабинете.

- «Эльбрус-22РС»? Серьёзная машина. Работает?
- Никаких тебе паролей, никакой защиты. – Никифор включил компьютер, передал женщине флешку, записанную в институте Лебедевым. – Полистайте, пожалуйста, этот материал я скачал в компе Истомина в институте. Может, найдёте что-нибудь, что прольёт свет на ситуацию.

Анна под села к столу, разглядывая появившийся в экране силуэт звезды.

Никифор начал методично обыскивать кабинет, перешёл в гостиную, потом в спальню, пытаясь вычислить нахождение секретных боксов, сейфов и тайников. Однако таковых в квартире учёного не нашлось. Зато в верхнем ящике тумбочки в спальне следователь обнаружил старый фотоальбом, кучу удостоверений советского периода, от комсомольского билета до корочек сотрудника пожарной

охраны, и толстую тетрадь серого цвета, оказавшуюся дневником Истомина. Никифор с любопытством полистал тетрадь, записи в которой обыкновенной шариковой ручкой начинались июнем тысяча девятьсот девяносто четвёртого года.

«Сдал макулатуру на восемь рублей, – прочитал Никифор. – Свободен! Поеду в Ленинград, обойду все книжные и буду готовиться к экзаменам. Отец обещал крутой комп, ох, как заживу!»

Записи на первых листочках тетради уже побледнели, всё-таки им исполнилось лет сорок, если не больше, ручки менялись, менялся цвет чернил и тон сообщений. Молодой Истомин то описывал свои приключения на трёх страницах, то делал одну строчку типа: «Ну и чёрт с ней, сама виновата! Лучше не вмешивалась бы. Мне нет времени на уговоры».

О ком и в связи с чем это было сказано, в дневнике не говорилось ни слова, стояла лишь дата: тринадцатое февраля тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Истомин к этому моменту уже окончил институт и работал в ядерном центре.

Никифор хотел было ознакомиться с последними записями дневника, но его намерения прервал звонок в дверь.

– Мы кого-то ждём? – оторвалась от экрана Анна.

– Если это тот, кто мне звонил, – сказал Никифор, заглядывая в глазок, – то всё в порядке.

Открыл дверь.

На пороге стояли двое: пожилой мужчина с благообразным лицом сельского священника, одетый в кожаный полушубок и с меховым беретом на голове, и мужчина помоложе, в чёрной куртке-дутике. Голову его обтягивала вязаная шапочка.

– Здравствуйте...

– Николай... э-э?

– Маркович, – закончил гость, снимая шапку и обнажая обширную лысину. – Николай Маркович Золотцев.

– Друг Глеба Лаврентьевича?

– Да, а это мой сын Костя.

Молодой человек сдёрнул с головы шапочку, кивнул.

– Проходите. – Никифор отступил, пропуская пару. Отметил их реакцию на преодоление «невидимой плёнки»: оба приостановились, прислушиваясь к себе, переглянулись.

В гостиную Никифор их не повёл, оттуда выглянула Анна.

– Здравьете, – дружно выговорили гости.

– Добрый день.

– Николай Маркович, Костя, – представил их Никифор. – Следователь Ветлова.

Анна кивнула и скрылась за дверью, не сказав больше ни слова.

Николай Маркович посмотрел на дверь в гостиную.

Никифор понял его желание увидеть друга.

– Тело Глеба Лаврентьевича находится в морге. В квартире работают следователи. Идёмте на кухню, раздевайтесь.

Гости сняли верхнюю одежду, обувь, расположились на стульях в небольшой кухоньке хозяина, пропахшей ароматами кофе. Но предлагать им горячих напитков Никифор не стал.

– Как давно вы знаете Истомина?

– Больше тридцати лет, – ответил Николай Маркович, вздохнув. – Учились в институте.

– Вы тоже физик?

– Нет, давно не занимаюсь наукой, с момента распада Союза. Я предприниматель.

– ИП, – уточнил его сын.

– В какой сфере?

– Фармакология, – почему-то сконфузился старший Золотцев. – У нас своя аптека.

– Когда вы в последний раз встречались с Истоминым?

– Да всего пару дней назад. Он жаловался на сердце, просил достать лекарства.

– У дяди Глеба астения, – робко добавил Костя. – Мы его предупреждали, чтобы он изменил распорядок.

– Объясните.

– Ну он последние несколько лет вёл затворнический образ жизни, – сказал Николай Маркович. – Практически сидячий. День на работе, ровно двенадцать часов, ночь дома, прямо как часы. Ни минуто назад, ни минуто вперёд.

– Не понял.

– Ровно к девяти утра он шёл в институт, ровно к девяти вечера возвращался. Питался однообразно, даже фруктов летом не покупал. Любил клюквенный морс, у него в морозилке всегда хранился запас ягод. А ухаживать за ним было некому, детей не появилось. Вообще он сильно сдал по сравнению с тем, каким был ещё в мае. Такое впечатление, что ужасно постарел.

Никифор вспомнил признание соседа – автомеханика Куркова.

– С чем это связано, как вы думаете? Он говорил, над чем работает?

– Разрабатывал новую концепцию энтропии, – криво усмехнулся Золотцев-старший, – отталкиваясь от уравнений Шрёдингера. Это...

– Я знаю, – кивнул Никифор, – изменение волновой функции в гильбертовом пространстве.

Удивлённый взгляд собеседника был ему ответом. Но объяснять свои знания физики следователь не стал.

– Значит, говорите, он сильно сдал. За два дня?

– Ну да... мы были у него в мае, потом девятнадцатого июня, а в прошлое воскресенье... специально приехали помочь... – Золотцев развёл руками. – Чтобы человек так изменился...

– Не только вы это заметили. Что же, спасибо, вы нам здорово помогли. Будем работать дальше.

– Хотелось бы попрощаться...

– Ничем не могу помочь, он в морге. Оставьте телефон, я позвоню по окончании расследования.

Никифор проводил гостей, закрыл дверь, вернулся в кабинет.

– Слышали?

– Хорошие люди, беспокоятся, хотя старшему не повезло в жизни.

– Почему?

– Учился на физика, стал бизнесменом.

- Тогда такие времена настали - надо было выживать.

- Бизнес с его полным отсутствием морали победил гораздо сильнее - в душах людей. А потом человечество не выдержало встроеного дьяволом соблазна - жить в игровой виртуальной реальности компьютера.

Никифор с любопытством посмотрел на увлечённую изучением базы данных женщину.

- Вы говорите как глава думского комитета по социальной политике.

- Не только говорю, - засмеялась Анна, - но и думаю точно так же. К сожалению, всё больше несвобод внедряют наши правители, в основном с благими целями, в нашу жизнь. И кончится всё либо социальным взрывом, когда лопнет терпение народа, либо смертью России как самостоятельного государства. И миллиардеры не помогут.

- Вы не любите миллиардеров?

- Богатство в девяноста девяти случаях из ста - маркер психического заболевания, и даже Россия стала больной на голову. Что у нас в стране, что за рубежом миллиардеры - люди, нажившие богатство несправедливым путём, лишённые совести.

Никифор покачал головой:

- Я знаю пару миллиардеров, которые тратят свои деньги на благотворительность большими суммами.

- Слава богу, есть ещё совестливые.

- Не ожидал от вас...

- Чего?

- Таких откровенных суждений о бедах России.

– Мне за державу обидно, как и любому нормальному человеку, только и всего. Надеюсь, и вам тоже, если только вы не либерал.

– Не либерал, – улыбнулся Никифор. – Что-нибудь выяснили?

– К сожалению, всё это надо изучать не один день, очень много специфики: метаматематика, метафизика, интегральные дебри, расчёты. Я бы скачала базу, если здесь найдутся свободные диски.

– Поищем.

– Могу предложить второй вариант – снять материнскую плату и уже в лаборатории переписать с неё всю информацию.

– Не получится, тогда отключится вся аппаратура квартиры, а мне почему-то кажется, что этого делать не надо.

Анна отвела взгляд от экрана.

– Слово «кажется» в устах следователя звучит неубедительно.

– Согласен, однако я доверяю своей интуиции. Если Истомина держал генератор включённым постоянно, то неспроста. Лучше здесь ничего не трогать.

– Сколько вы собираетесь здесь быть?

– Недолго, скачаем базу, и я вас отпущу.

– А вы что-нибудь нашли?

Никифор показал тетрадь.

– Дневник Истомина, он его вёл аж с конца прошлого века. Записей не так уж и много, потому что товарищ писал не чаще раза в неделю, но для нас и это важно. Поеду изучать в офисе. Но сначала заеду в морг, ещё раз поговорю с медэкспертом. Очень напрягает оценка свидетелей состояния Истомина. Чтобы

человек так резко постарел – на двадцать с лишним лет всего за два дня – это феномен!

– Не может это быть следствием работы генератора? – Анна кивнула на «люстру».

– Если принять во внимание цель учёного – снижение скорости роста энтропии, то возникает парадокс: почему генератор воздействует на него в обратную сторону? Не уменьшает энтропию, а увеличивает? Ведь старение – это и есть следствие роста энтропии?

– Логично.

– Здесь происходит что-то другое, хотя процесс и связан с работой аппарата. Ищем чистые диски.

Но искать свободные от записей носители долго не пришлось. За столом, у стеночки, между двумя стойками, располагалась небольшая этажерочка с дисками, половина из которых была упакована в пластиковые пакеты.

Пока Анна переписывала содержимое памяти компьютера на диски, Никифор ещё раз прошёлся по комнатам, заглядывая во все углы и ящики тумбочек, нашёл целую коробку с флешками и решил забрать их с собой. В них могли храниться результаты практической деятельности Истомина и его наброски будущего устройства. Читать их было лучше в спокойной обстановке.

– Готово, – доложила Анна спустя несколько минут.

– Уходим.

Вышли, нагруженные пакетами.

Тихий треск невидимого «пузыря» подействовал на спутницу как разряд тока: она едва не выронила пакет.

– Жесть! Забыла об этом!

- Мы продавливаем какое-то поле, - успокоил её Никифор извиняющимся тоном.

- Я уже поняла, просто не ждешь ничего подобного.

- Как вы можете объяснить этот треск?

- Не люблю объяснений, объясняющих необъяснимые явления, как говорит наш главный. Пока что единственное, что приходит в голову, это следствие работы генератора Истомина. Кстати, возможно, он считал, что возникшее поле защищает квартиру от непрошенных гостей, потому и не позаботился об установлении охранной системы.

Лифт опустил пару на первый этаж.

Водитель аэрокоптера встретил их странным взглядом, в котором сочетались удивление, опасение, неуверенность и смущение.

- Что не так? - насторожился Никифор, уже представляя, что услышит в ответ.

- Боюсь уже говорить...

Никифор взял удивившуюся Анну за руку, повернул тыльной стороной ладони вверх, чтобы увидеть циферблат часов, посмотрел на свои часы, показывающие 13 часов 21 минуту.

- Сколько на ваших?

- Двенадцать двенадцать... Вас не было две минуты.

- Что происходит? - сдвинула брови женщина.

- Мы пробыли в квартире сорок минут.

- Наверно, не смотрела.

- А он утверждает, что всего две!

Глаза Анны стали большими и тревожными. Но думать быстро она умела.

- Время в квартире Истомина идёт быстрее...

- Есть и ещё один вариант, обсудим в центре. Садитесь. Паша - стрелой в офис!

Аэромобиль вонзился в небо.

Москва

Следственный комитет

Двенадцать часов тридцать минут

Анна оставила его в вестибюле здания, Никифор отдал ей найденные у Истомина диски и флешки, включая и первую, с записью статьи физика, и отправился сразу к начальнику отдела.

Баринов тоже умел думать оперативно, поэтому на просьбу следователя поставить у квартиры Истомина охрану ответил без раздумий:

- Возьми Климчука и подразделение Марина, он на дежурстве. Объясни сам, что нужно делать. Потом вернёшься и расскажешь, что происходит.

Встретившись с капитаном Мариным, выглядевшим сонным блондином-увальнем, и объяснив ему задачу, Никифор вернулся к себе в кабинет и обнаружил там Климчука, разговаривающего с кем-то по вижн-системе: на нём были очки.

- О, как раз ты мне нужен! В следующий раз оставляй записку, где тебя искать, раз на звонки не отвечаешь.

Климчук весело отмахнулся.

– Оставлю, как одна кладовщица писала: ушла, буду, когда вернусь.

Усмехнулся и Никифор:

– И что я тебя терплю? Давно надо было отсадить в общий курятник.

– Ты без меня как лошадь без всадника, – ещё больше развеселился Виктор. – Как там в песне поётся: с тобой я не могу и без тебя никак, ты самый злобный друг и самый нежный враг.

– Не путай грешное с праведным. Это песня про нормальных любящих людей, а не про голубых, на которых ты намекаешь. Командир разрешил взять тебя в аренду.

– Обалдеть! А он знает, что я и так взял дополнительное дело?

– Все претензии к нему.

– Так зачем я тебе нужен?

– Объясняю дислокацию. Вокруг этой истории со смертью физика Истомина разворачивается какой-то странный бедлам. Я думал, шеф просто перестраховывается, поручая мне расследование, всё оказалось не так просто. Это не обычное дело, каких немало случается в нашей жизни.

Климчук посерьёзnel:

– Внимательно слушаю.

Никифор быстро объяснил капитану суть происходящего.

– Сколько сейчас на твоих?

Виктор посмотрел на часы: у него были новейшие «Сейко» с чипом связи.

– Двенадцать тридцать пять.

- А на моих тринадцать сорок три. Я трижды побывал в квартире Истомина, и после каждого посещения мои часы начинали спешить.

- Жесть!

- Вот-вот, и я того же мнения.

- Я почти ноль в формулах, для меня что уравнение Шрёдингера, что Улёта - Девита, одно сотрясение воздуха.

- Это разные уравнения, но Истомин смог дополнить Уилера интегралом Шрё...

Климчук поднял руки вверх:

- Остановись! Я всё равно не запомню. Вообще поражаюсь твоей памяти, если честно. Лично мне удаётся запомнить только то, что связано с реальными вещами, математика для меня - тёмный лес.

- Мне просто повезло, - отмахнулся Никифор. - Мой научный руководитель в те времена, когда я пытался заниматься диссером, требовал запоминать головоломные вещи, чтобы держать мозги в активном состоянии. К примеру, знаешь, чему равняется фундаментальный предел температуры для нашей Вселенной?

- Я псих, по-твоему? В голову не пришло бы запоминать.

- Так вот он равен, - Никифор задумался на мгновение, - ста сорока одному миллиону шестистам восьмидесяти тысячам восьмистам на десять в двенадцатой степени триллионов градусов.

- Триллионов?! Очуметь! И ты запомнил?!

- Как видишь.

- А что такое фундаментальный предел?

– Существует ряд констант разных взаимодействий, которые проявлены в нашей реальности: постоянные Хаббла и Планка, константы Ньютона, Эйнштейна, Бора и так далее, коим подчиняется ткань бытия. Что касается предела температуры для материи в нашем континууме, то он, по сути, определяет состояние при сжатии всей материи Вселенной в чёрную дыру.

– Он намного выше температуры внутри звёзд?

– В триллионы раз.

– Фигасе!

– Всё, Витя, лекции закончились. У нас мало времени. Интуиция подсказывает, что нас ждёт форс-мажор. Присоединяйся к Володе Марину и заблокируй вход в квартиру Истомина, чтобы ни одна живая душа не проскользнула. Он работал ещё и на оборону, так что военные парни вполне могут предъявить претензии. Отошлешь их к шефу.

– Могу и дальше.

– А вот этого не надо, нам конфликты ни к чему.

– Что Истомин делал для обороны?

– Соорудил какую-то машину...

– Времени! – хмыкнул Климчук.

– Может, и времени, смешного тут мало, но обращаться с ней надо вельми осторожно, как с готовой взорваться миной.

– Ладно, понял. Но хоть взглянуть-то на эту машину можно?

– Это тебе не кресло с ручьятками, как описывал свою машину времени Уэллс. Загляни, убедись, что всё работает, но не вздумай что-либо трогать. А вообще лучше дождись меня, не входя в квартиру.

– Обижаешь, начальник, – скривил губы Виктор. – Не первый раз замужем.

– Вот те раз, не хватало ещё работать с гомосексом.

Климчук расхохотался:

– Это поговорка такая, я нормальный, ты же знаешь.

– Бегом к Марину, нормальный, пока он ещё не уехал в Дубну. Закончу тут кое-какие расчёты, заберу Анну и приеду к Истомину.

– Какую Анну?

– Шеф отрядил мне в помощь консультанта Анну Ветлову из техцентра, знаешь такую?

– Не встречались. Хорошенькая?

– Мать троих детей между прочим. Погнали!

Виктор исчез.

Никифор позвонил Анне:

– Как идёт работа?

– Разбираемся, – ответила женщина рассеянно. – Вы знаете, откуда в уравнении Истомина появился последний функционал?

– По форме это лагранжиан Шрёдингера...

– Не в бровь, а в глаз! Вы молодец, что заметили! Истомин добавил в уравнение Уилера – Девицка ненулевой лагранжиан квантовой механики, это примерно как Эйнштейн в своём уравнении относительности добавил лямбда-член, который впоследствии стал ответственным за воздействие тёмной энергии.

– Допустим, и что?

– Я ещё не готова делать выводы, но у меня родилось неуютное чувство дежавю. Будто я забыла что-то важное, что должно непременно случиться.

– Когда?

– Я не катрены Нострадамуса разгадываю! – рассердилась женщина. – Дочитаю материалы до конца и отзвонюсь.

– Не сердитесь, ради бога, – поспешил извиниться Никифор, – меня тоже не покидает чувство озабоченности. Мы уже поняли, что установка Истомина как-то изменяет ход времени, но каким образом – неизвестно. От того, как быстро мы поймём, что происходит, зависит не только результат расследования, но и, возможно, что-то покруче.

Тембр голоса Анны стал мягче.

– Постараюсь не задерживать процесс.

– Я буду мотаться туда-сюда, потом снова поеду на квартиру Истомина.

– Хорошо. – Анна выключила линию.

Заспешил и Никифор, снедаемый нетерпением и жаждой докопаться до истины.

Аэромобиль всё ещё находился в его распоряжении, поэтому в пробках стоять не пришлось, подчиняясь не правилам дорожного движения, а правилам воздушного, и до Дубны следователь долетел всего за четырнадцать минут. Засёк время (это уже становилось потребностью), хотя оно и не соответствовало показаниям хронометража.

Медэксперт нового ничего добавить к своим выводам двухчасовой давности не смог. Он стопроцентно был уверен, что умерший прожил восемьдесят четыре года (единственное, что удалось уточнить), хотя возраст Истомина не превышал шестидесяти одного.

Не смог ничего существенного сообщить и начальник лаборатории ОИЯИ Лебедев, сказав лишь о том, что ни учеников, ни последователей у Истомина не было, работал учёный один.

- Нам сократили бюджетное финансирование, - пожаловался он, страдальчески морща лицо. - Поэтому мы вообще собирались в следующем году закрывать тему Глеба Лаврентьевича. Государство деньги на науку отпускает, не торопясь, но тренды от его имени формируют лоббисты, понимаете?

- То есть работу Истомина никто не пролоббировал?

- Увы, никто, если не считать вялой заинтересованности Минобороны. Оно субсидировало проект, но не до конца. Зато первыми у нас идут исследования зарубежных групп. Из сорока получателей правительственных грантов размером в сто пятьдесят миллионов рублей в нашей области лишь двадцать имеют российское гражданство, а постоянно проживают в нашей стране только пятеро.

- Сволочизм! - посочувствовал Никифор заведующему лабораторией. - Истомин беседовал с вами по теме?

- Очень редко, - с сожалением признался Лебедев. - Глеб Лаврентьевич был очень закрытым человеком, так сказать, человеком в футляре, и практически ни с кем не делился результатами исследований.

- И вы не поинтересовались, на какой стадии находится ваш сотрудник?

Лебедев нахмурился:

- Интересовался, кое-что подсказал, но Глеб Лаврентьевич даже со своими кураторами из военного ведомства редко общался.

- Вы смотрели его записи в компьютере?

Лебедев досадливо поморщился:

- Руки не дошли, извините. Да и прошло-то всего два часа, нет смысла спешить.

– В таком случае скачайте все его рабочие файлы на диск, я заберу с собой для анализа.

– Вы же одну копию забрали.

– Нужна ещё одна.

– Ох, нельзя ли попозже? Мы сейчас готовимся к съезду ядерщиков...

Никифор поднял на заведующего потяжелевший взгляд:

– Даю двадцать минут. Не исключено, что работой Истомина заинтересуется Федеральная служба безопасности. Хотя стойте, не надо скачивать, выньте «маму», этого будет достаточно.

– Понял, – заспешил Лебедев, – сейчас организую.

Он бочком выбрался из кабинета, и следователю пришлось его догонять.

– Я с вами.

Прошли в небольшой зал с десятком столов и компьютеров, за которыми работали сотрудники лаборатории, почти все – пожилые мужчины и женщины в возрасте, насколько смог оценить Никифор.

Ни один из операторов не отвлёкся на приход завлаба и гостя, и следователь с любопытством смотрел, как Лебедев включает один из компьютеров за крайним столом и садится на стул. Очевидно, здесь и работал умерший физик, на столе которого царил идеальный порядок. Если практически на всех столах валялись флешки, диски, бумаги, столовые принадлежности и аксессуары, то на столе Истомина ничего не было, кроме стаканчика с шариковыми ручками и карандашами и стояли часы – настоящий измерительный комплекс с тремя циферблатами и десятком других указателей и окошечек.

Никифор обратил на это внимание:

– Это ваш аппарат? Я имею в виду – лабораторный?

– Нет, – покосился на часы Лебедев, продолжая работать на клавиатуре. – Глеб Лаврентьевич принёс его пару дней назад и свято соблюдал распорядок дня. Приходил ровно в девять, уходил ровно в восемь. Даже обедал точно по часам.

– Удивительная педантичность.

– Да уж, старая закалка. – Лебедев подозвал молоденького сотрудника в белом халате, они вдвоём выдернули из гнезда компьютера вычурной формы плату и передали Никифору: – Надеюсь, вы вернёте...

– А как же, – подтвердил Никифор, на самом деле не зная, сможет ли выполнить обещание. – Спасибо, продолжайте работать. Если понадобится, мы вас вызовем.

– Всегда к вашим услугам.

Садясь в кабину аэромобиля, Никифор привычно глянул на часы и поймал себя на мысли, что начинает нервничать. Ничто не предвещало беды, ноябрьский день с нулевой температурой был не лучше и не хуже череды таких же предзимних дней, люди двигались по улицам не торопливее, чем обычно, и всё же в ушах тихо нарастал тревожный звон, от чего хотелось скрыться в безопасном месте и переждать там «падение метеорита» или, не дай бог, вражеской ракеты.

– Ленинградская, десять, – сказал он водителю.

У дома Истомина аэрокоптер приземлился в тринадцать пятьдесят.

– Мне бы не мешало заправиться, – произнёс Паша удручённо. – Успею?

– Я пробуду там не меньше получаса... – Никифор осекся, вспомнив о феномене задержки времени. – Никуда пока не отлучайся, потом вместе найдём ближайшую заправку.

– Есть. – Водитель кинул озабоченный взгляд на приборную панель.

На шестнадцатом этаже дома Никифора встретил молодой человек в камуфляже, вооружённый автоматом. Следователь его знал, это был сержант из оперативной группы Марина по фамилии Тарасов.

- Товарищ майор? – вытянулся он перед Никифором.

- Ты один?

- Нет, внутри товарищ капитан. Плюс на улице трое.

- Не заметил. И давно капитан в квартире?

- Минут десять.

- Никто больше не появлялся?

- Никак нет?

Никифор подошёл к двери, заметил, что она приоткрыта, оглянулся на сержанта.

- Почему дверь открыта?

- Товарищ капитан велел не закрывать.

Никифор покачал головой, толкнул дверь и вошёл, пережив знакомый треск «лопнувшего пузыря».

Климчук сидел на кухне, пил кофе. На нём был полушубок, и ботинки он не снимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/golovachev_vasiliy/vremya-ubivaet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)